

В конце марта в московском музее А. С. Пушкина прошло награждение лауреатов премии “Золотой Дельвиг”, учреждённой “Литературной газетой”. В номинации “Молодой Дельвиг” награду получил постоянный автор нашего журнала прозаик Андрей Антипин.

Торжество совпало с неблагоприятной кампанией по очернению писателей нового поколения, молодых традиционалистов, чьё творчество широко представлено на страницах “Нашего современника”. Застрельщиком выступил голубой листок, исполнитель — некий Сергей Морозов. Мишенью для забрызгивания грязью стал лидер поколения Андрей Антипин. Престижная премия, полученная им в разгар поношений, — лучший ответ клеветникам.

Наш журнал высоко ценит молодого автора, земляка Валентина Распутина. Его основные произведения (так же, как в своё время повести Валентина Григорьевича) опубликованы на наших страницах. Мы сразу встали на его защиту, напечатав в мартовской книжке “НС” статью заместителя главного редактора журнала А. Казинцева “Смердяков поучает. С. Морозов как лицо “Лит. России”. Сотрудники редакции рады, что теперь высокую оценку творчества А. Антипина дало и авторитетное жюри премии “Золотой Дельвиг”.

Редакция поздравляет Андрея с наградой. И в продолжение разговора, начатого А. Казинцевым, публикует письмо молодой журналистки из Краснодара, вступившей за сверстников-традиционалистов. Нашим молодым прозаикам посчастливилось найти своего читателя, прежде всего, в собственном поколении. А это ещё одна награда, пожалуй, даже более весомая, чем престижная премия.

“НЕ ЛУЧШЕ ЛЬ НА СЕБЯ ОБОРОТИТЬСЯ?”

Заметки по поводу статей Сергея Морозова “Дедушкина литература” и “Девичьи игрушки”

Реалистическое направление продолжает развиваться в современной прозе. На литературную сцену выходят молодые авторы, наследующие традиции таких мастеров слова, как Распутин, Белов, Казаков, Лихоносов. И это не может не радовать! Андрей Антипин, Андрей Тимофеев, Елена Тулушева, Платон Беседин — на мой взгляд, наиболее яркие имена, представляющие на сегодняшний день прозу молодых. Список этот, конечно же, можно продолжить — Анастасия Чернова, Антон Шушарин, Наталья Мелёхина...

Новое поколение уверенно занимает своё место в литературном процессе. Это подтверждают и получение прозаиками наград на фестивале “Золотой Витязь”, и победы на представительном литературном конкурсе “Справедливая Россия”, и приглашение на Форум писателей в Шанхае.

Получили молодые авторы и первые критические отклики. Для начинающих такие оценки особенно ценны. И поэтому критик должен, подобно врачу, помнить правило: “Не навреди!”.

В связи с этой “первой заповедью” и хотелось бы сказать несколько слов о публикациях Сергея Морозова в “Литературной России” (“Дедушкина литература”, № 5, 2016, “Девичьи игрушки”, № 8, 2016).

К сожалению, С. Морозов не попытался разобратся в творчестве молодых авторов и уж точно не захотел помочь в этом читателю. Единственная его цель — уничтожить новое поколение русских реалистов. Отсюда и желчь, которой пропитаны обе статьи.

В статье “Дедушкина литература” Сергей Морозов выдвигает тезис о том, что молодые реалисты пишут о “прошлом” — деревне и вере. Пристрастно и,

приходится отметить, неумело разбирает он творчество двух Андреев — Антипина и Тимофеева. Но даже в убогую схему, предлагаемую критиком, не вписываются их сверстники и коллеги — Платон Беседин, который в “Дневнике русского украинца” сверхсовременен, Елена Тулушева, рассматривающая в своём творчестве истории трудных подростков с депрессивных окраин столицы.

Обрушивая на авторов шквал обвинений, Сергей Морозов не подкрепляет их аргументами: “Главная особенность Антипина состоит в том, что он писатель безмысленный, безыдейный, а вдобавок к этому ещё и бесконфликтный. Страсть к описательству у него, как и многих теперь, господствует над мыслью. За картинками деревенской жизни не прячется никакой глубокой идеи. Да и боли, острой, искренней, выходящей за рамки избитых формул о гибели деревни, не ощущается”. На чём, собственно, основаны эти обвинения?

“Пока же Антипин — чистый бытописатель, не размышляющий над нравственными и социальными вопросами, в том смысле, что не пропускающий их через себя, а просто работающий по готовым шаблонам и утвердившимся стереотипам”. О каких шаблонах и стереотипах идёт речь? Поясните, Сергей Борисович! А заодно, чтобы не быть голословным, продемонстрируйте профессионализм: оцените стиль, рассмотрите средства выразительности, образную систему — всё то, что призван делать критик.

Творчество женщин-прозаиков Морозов отделяет от мужского, хотя сам же и говорит о том, что не видит в этом необходимости: “Деление на мужское и женское не всегда имеет существенное основание. Порою к нему приходится прибегать по причинам чисто технического характера. Произведения Анастасии Черновой, Натальи Мелёхиной, Елены Тулушевой вряд ли можно обозначить как “женскую прозу”... Разброс между ними и Андреем Антипиным, Андреем Тимофеевым не так велик”.

Тогда зачем деление по гендерному признаку? А вот зачем. С помощью такого нехитрого приёма Морозов хочет изначально унижить женщин-писателей: “К женщине у нас традиционно более снисходительны. Женщине не обязательно быть пророком, воином или монахом. Поэтому и литература для неё имеет несколько иное назначение. Так, девичья игрушка. Вещать не обязательно, можно просто потешить себя, отвести душу”.

Должна разочаровать Сергея Борисовича: так к авторам-женщинам относятся самые примитивные читатели — сродня тем обалдуям, которые стоят группками на углах улиц с бутылками пива в руках и глупо гыкают вслед каждой юбке. Хочется пожелать газете “Литературная Россия”, где опубликованы писания Морозова, тщательнее подходить к выбору рецензентов, отсеивая чересчур оскандалившихся.

Аргументы и анализ критик подменяет бесчисленными упрёками. Первой жертвой становится Анастасия Чернова: “Ни чётких акцентов, ни стройной мысли. Ничего нельзя вычленишь из невыразительного, нарочито правильного и лишённого яркости изложения. Подарки, ништяки, снежинки — всё на один фасон и лад. Ни искренности, ни боли, ни счастья, ни радости”.

Абсолютно голословные обвинения. Анализ художественного текста требует конкретики: здесь плохо, а где хорошо? Назовите имена, представьте, процитируйте! Глядишь, и писатели-патриоты, застрявшие в прошлом неумехи, как их изображает Морозов, научатся приёмам современной прозы, позаимствуют её идеи и методы. Ни одного имени, ни одного образца! Если не считать отсылки к прозе западных постмодернистов — Джойса, Барта, Пинчона и Роб-Грийе, которых Морозов противопоставляет Анастасии Черновой.

Уел, так уел! Все названные выше считаются классиками постмодернизма. Достоинства их произведений, если не считать творчества Джойса, сомнительны, но в любом случае категорически недопустимо обвинять молодого автора, выпустившего первую книгу, в том, что она не дотягивает до уровня мэтров, о которых написаны целые библиотеки исследований.

Переходя к Наталье Мелёхиной, критик неожиданно меняет гнев на милость. Отчего бы? И тут выясняется постыдный секрет “беспощадного критика”, каким хочет представить себя Сергей Борисович. Он хвалит два рассказа молодой писательницы, опубликованные в либеральных журналах. Перед либералами Морозов робеет! Критиковать не решается. Приходится менять тон: “В них [рассказах] есть всё, что должно быть в настоящей литературе — сюжет, идея, соответствующая замыслу форма”.

Отдав должное публикациям в непатриотических изданиях, критик отыгрывается на других рассказах Мелёхиной: “Но два рассказа — это едва ли не всё заслуживающее внимания, из того, что ею написано. Остальное, рас-

киданное по изданным малым тиражом сборникам – уже этнографическая проза, проходняк, пустая порода, традиционное повествование о простых людях нашего края, которое, в силу отсутствия высокого полёта авторского голоса, интересно, наверное, только её землякам. В этих незначительных произведениях, похороненных на сайте “Проза.ру”, опять, как и в бесчисленных рассказах и повестях многих других авторов, слышится порядком поднадоевшее уже “мы жили когда-то” и даются избитые картины гордой, не сдающейся, как “Варяг”, но далеко не процветающей деревни как бы в противопоставление развращённому городу (см., например, рассказ “Другие цены”)...”. Собственно, как и Антипин, Наталья Мелёхина пострадала за тяготение к деревенской прозе и к самой русской деревне.

Перечислю тезисно и ещё некоторые абсурдные обвинения критика: отсутствие зла в “почвеннической” литературе (казалось бы, радоваться надо!), наличие стереотипа памяти, “музейное сохранение традиций”, уход “из творчества в культурную работу – сохранить, не забыть”. “Это тупик, дурная бесконечность памяти. Надо выбираться из него, пока архивное отношение к истории не подменило собой энергию созидания, пока любовь к родной земле не переросла в панический страх от неё оторваться”, – констатирует Сергей Морозов. – “Времена изменились, пора бы и нам создать нечто равновеликое, потрудиться ради развития, а не в пользу музейного сохранения традиции”.

Касается в статье “Девичьи игрушки” Морозов и творчества Елены Тулушевой. Первое же замечание выдаёт озлобленность и тенденциозность: “Скажем сразу, рассказы её изрядно переხвалены. Отсутствие крупных изъянов ещё не повод для восторгов и осыпания дипломами и разного рода берестянными медалями”.

Если считать, что задача критика – объективная оценка литературы, то данный пассаж – образец, как не должен писать критик. “Отсутствие крупных изъянов” почему-то вызывает у Морозова неприкрытое раздражение. Он намекает на чьи-то “восторги”. Какие? Чьи? Кому адресован упрёк в “осыпание дипломами и... берестянными медалями”? Из интернета узнаю, что Елена – победитель нескольких литературных конкурсов, в жюри которых входят десятки известных писателей и критиков. Что же, они все ошибаются, и лишь Морозов знает истину?

Судите сами, можно ли назвать “берестяной медалью” премию Славянского литературного форума “Золотой Витязь”? Его лауреатами, наряду с молодыми писателями, стали классики славянской литературы: Добрица Чосич (Сербия), Виктор Лихоносов, Борис Олейник (Украина). Высокие критерии в течение многих лет утверждал Валентин Распутин, председатель жюри Форума. Только далёкий от литературы человек может позволить себе зубоскальство по поводу “Витязя”.

Между прочим, так оно и есть: Морозов – общественвед, кандидат философских наук. Обратившись к современной литературе, он взялся не за своё дело. Поэтом и допускает ляпы на каждом шагу.

Взять хотя бы его основную упрёк в адрес Тулушевой: “Так бывает” – вот, собственно, и всё, что хочется сказать по прочтении её рассказов... А что дальше?”. Но этак можно любого писателя перечеркнуть! Так и представляю, как пересказывает Морозов чеховскую “Даму с собачкой”. Ну приехали они на курорт – он и она. Так бывает. Влюбились. Случается. Разъехались, а потом он её нашёл. А что дальше?

Ну нельзя с таким примитивным “инструментарием” подходить к рассмотрению литературных произведений. Людей насмешишь! “Вот это “что дальше?” – вопрос ко всей новой прозе, – патетически возглашает Морозов. – Зачем вы нам это поведали? Что хотели сказать? Что жизнь грустна? Это общее место. Все об этом знают. Вы скажите это так, чтоб мы поняли, что она невыносима в своей грусти”.

Что за инфантилизм, Сергей Борисович? Почему жизнь непременно “невыносима”? Она разная. Так же, как произведения, о которых вы столь опрометчиво взяли рассуждать. Тут нужны не абстрактные лозунги и уж, конечно, не брань, а вдумчивый профессиональный анализ. Которого, увы, не хватает в ваших статьях.

“Не лучше ль на себя... оборотиться?” – советовал злословящим великий баснописец. Два века прошло, но совет не утратил актуальности. Прежде чем судить чужое творчество, иным критикам не помешало бы освоить основы своей профессии.

Ирина Шейко